

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА –
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Эльдар Александрович Рязанов

Первая встреча – последняя встреча

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602235

Первая встреча – последняя встреча / Эльдар Рязанов: Эксмо; Москва;

2011

ISBN 978-5-699-45677-2

Аннотация

Как в кино, подумаете вы, в жизни такого не бывает. Бывает. Все эти невероятные, фантастические, порой авантурные истории, рассказанные Эльдаром Рязановым, происходили на самом деле. Все эти люди – яркие, смелые, очень одаренные и очень красивые – существовали, а некоторые, к счастью, и существуют. Их причудливые судьбы интереснее любого придуманного детектива. Со многими из них или с их близкими Э.Рязанов встречался во Франции, когда готовил для REN-TV цикл передач. На основе их рассказов и родилась эта книга. Автор не просто любит – он обожает своих героев, восхищается ими. Нет сомнения, что это чувство передастся и вам.

Содержание

Первая встреча – последняя встреча	4
Русские музы	6
Анна – королева Франции	7
«Пропавшие» рисунки Модильяни	14
Очарованная душа – Мария Кудашева	30
Лидия, добрый ангел Матисса	38
Post Scriptum	50
Надя Леже, одержимая живописью	52
Ольга Хохлова и Пикассо	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Эльдар Рязанов

Первая встреча – последняя встреча

Первая встреча – последняя встреча

Казалось бы, что может быть общего между русской княжной Анной Ярославной, ставшей королевой Франции, и Александром Вертинским, «кочевником» и родоначальником бардовской песни в России? Чем любопытна, скажем, судьба Романа Гари, единственного в мире дважды лауреата Гонкуровской премии? А судьба эта, поверьте, – невероятна! Как могло случиться, что французского кинорежиссера Роже Вадима везли в больницу сразу четыре его жены, из них три – бывшие! Какова была одиссея еврейской девушки Эли Каган, которая стала знаменитой французской писательницей Эльзой Триоле?..

Об этих сильных незаурядных людях, их невероятных судьбах я рассказываю в этой книге, причем, подчеркиваю – все эти сюжеты взяты из подлинной жизни, все в них правда. А если где-то и встречаются кое-какие фантазии, то их

выдумал не я – летописец и хроникер, а сами герои новелл, некоторые из которых любили о себе лихо приврать. За что им большое спасибо! Честно говоря, я люблю своих героев.

Эльдар Рязанов

Русские музы

Идея рассказать о русских женищинах, ставших музами, женами, спутницами, возлюбленными, моделями великих французов, – художников и писателей, – возникла у меня в 1994 году. Для начала было решено сделать телевизионный цикл. И вот осенью того же года REN-TV – молодая «нахальная» телекомпания организовала экспедицию во Францию.

Анна – королева Франции

Начали мы от «печки», то есть от дочки князя Ярослава Мудрого Анны, которая волею судеб стала в XI веке королевой Франции. Как видите, женская русская экспансия началась тысячу лет назад. Хотя в случае с Анной Ярославной слово «экспансия», пожалуй, не подходит. Она поехала за рубеж не по своей воле. Король Франции Генрих I овдовел. Ему нужна была новая жена, разумеется, молодая, нужны наследники. Король не хотел брать в жены принцессу из ближнего, как бы сказали сейчас, к Франции зарубежья, опасался интриг, заговоров, войн за наследство. Генрих слышал от купцов, что у князя Ярослава Мудрого в Киеве растут прекрасные дочери. И он послал в далекий Киев представительное посольство, куда входили и духовные лица, и дипломаты, и военные. Язык до Киева доведет, говорит русская поговорка. Почти год добирались подданные Генриха до невесты, а жених, тем временем, воевал с братьями и другими близкими родственниками, расширяя свои владения. Наконец доверенные люди прибыли в Киев и увидели Анну. Они пришли в восхищение, и судьба девушки была решена. Ей собрали богатое приданое, в том числе знаменитое Остромирово Евангелие. На этой святыне впоследствии присягали все последующие французские короли при возведении их на престол. Караван двинулся через Европу. Везли много сун-

дуков с добром и подарками. Ярослав снарядил для сопровождения дочери отряд отважных дружинников. Дороги были опасны – в Польше и в Германии разбойничали.

После долгого путешествия Анну привезли в город Мелун, где в то время квартировал королевский двор. Генрих был очарован невестой. В 1054 году в Реймсе состоялось венчание. Анна Французская родила трех сыновей, один из которых стал впоследствии королем Филиппом. Но счастье королевской четы было недолгим. Через семь лет Генрих I скончался, он был старше жены на двадцать лет. Принцы были маленькие, и так случилось, что русская княжна стала королевой Франции и восемь лет правила страной.

Естественно, что, собирая материалы об Анне, я приехал в старинный город Мелун, побывал в замке, в котором тысячу лет назад жила наша славная соотечественница. Замок *был* перестроен в XVIII веке, но сохранились старые подземные переходы с тех древних времен. А может, даже еще с более давних, когда в Мелуне хозяйничали римляне. Владелец замка нашел в этих подвалах уникальный документ. Подлинник он сдал в архив Франции, а у меня в руках оказалась копия. Оператор крупным планом снял свиток.

Сам текст этой бумаги не представляет особого интереса, тут были какие-то хозяйственные записи. Однако... Вот видите этот крест? (Я показал телезрителям свиток.) Это подпись короля Генриха I. Почему крест? Потому что он был неграмотным, не умел ни писать, ни читать. А вот подпись королевы Анны. Видите, подписано: королева Анна. И рядом с подписью здесь два креста. Естественно, ведь Анна знала два языка: славянский и французский. А если говорить

серьезно, она действительно была очень образованна, и почему здесь стоят эти кресты, непонятно.

Горе молодой вдовы было не очень продолжительным. Одержимый любовью к прекрасной королеве сосед маркиз дю Кресси похитил Анну. И они стали жить, предаваясь блуду. Это вызвало огромное неудовольствие Папы Римского. Он отлучил маркиза дю Кресси от церкви. И попытался сделать то же самое с Анной, но что-то ему помешало.

Говорят, Анна прожила долгую счастливую жизнь. А вообще, кто знает? Это было так давно. Я говорю в подобных случаях: «История – это сказка, слегка приукрашенная правдой...»

Может быть, легенда об Анне, пройдя через века, каким-то образом повлияла на поведение и поступки наших последующих героинь. Но нельзя забывать и того, что образованная часть российского общества всегда тяготела к Франции, а высший свет говорил на французском языке лучше, чем на родном. Прекрасный Париж, как магнит, притягивал славянскую душу. А после октябрьского переворота 1917 года Франция стала прибежищем для сотен тысяч русских эмигрантов...

«Пропавшие» рисунки Модильяни

На Монпарнасе, в Париже, издавна дававшем приют художникам всего мира, расположен знаменитый дом. Он называется «Улей» и состоит только из мастерских для живописцев. Он и строился именно с этой целью. Это шестнадцатигранник, где каждая грань – огромное окно, ибо живописцам надобно много света. Название «Улей» произошло от того, что конструкция дома напоминает пчелиные соты, где в каждой ячейке трудится пчела. Мы побывали в нескольких мастерских, – они все одинаковы и по площади, и по планировке. Здесь в первой четверти XX века жили, рисовали, писали картины замечательные художники Архипенко, Кикоэн, Сутин, Цадкин, Леже, Шагал, Модильяни. Мастерские двух последних мы, разумеется, посетили.

Собственно говоря, ради Модильяни мы сюда и пришли. Поговорим об Амедео Модильяни и об Анне Ахматовой. Вспоминаю ее стихи:

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.
И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей

Моя незавитая челка.
И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.
И бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыхание,
А на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

В 1910 году Анна Андреевна приезжала в Париж. Это была молодая 20-летняя барышня, сочинявшая вполне взрослые стихи. Она познакомилась с бедным, вернее, нищим, художником Амедео Модильяни.

И дальше, по мере моего рассказа, мы с телевизионной камерой кочевали по прекрасному городу то в Люксембургский сад, то на Монмартр, то в Латинский квартал. Мы показывали телезрителям изысканные портреты, сделанные Модильяни, и фотографии с так хорошо узнаваемым профилем Ахматовой. Нам очень хотелось передать зрителям ощущение грусти и нежности, сделать их соучастниками светлой и, в конечном итоге, печальной истории, случившейся на заре XX столетия.

Модильяни писал Ахматовой в Россию после их встречи, что она в нем, как наваждение. Он поражался ее особенности угадывать мысли, распознавать чужие сны.

На следующий год Ахматова снова приехала в Париж. По-

водом послужили триумфальные выступления Дягилевского балета, но, может быть, подлинной причиной стало желание еще раз увидеть художника.

Парижское кафе. 1910-е годы

Ахматова написала воспоминания об этой дружбе, об этой любви, – трепетные, трогательные, чистые и благородные. Я хочу процитировать несколько строчек. Вот что она пишет о них двоих:

«Вероятно, мы оба не понимали одну существенную вещь. Все, что происходило, было для нас обоих предысторией нашей жизни, его — очень короткой, моей — очень длинной. Дыханье искусства еще не обуглило, еще не преобразило эти два существования. Это должен был быть светлый, легкий предрассветный час. Но будущее, которое, как известно, бросает свою тень задолго перед тем, как войти, стучало в окно, пряталось за фонарями, пресекало сны и пугало страшным бодлеровским Парижем, который прятался где-то рядом.

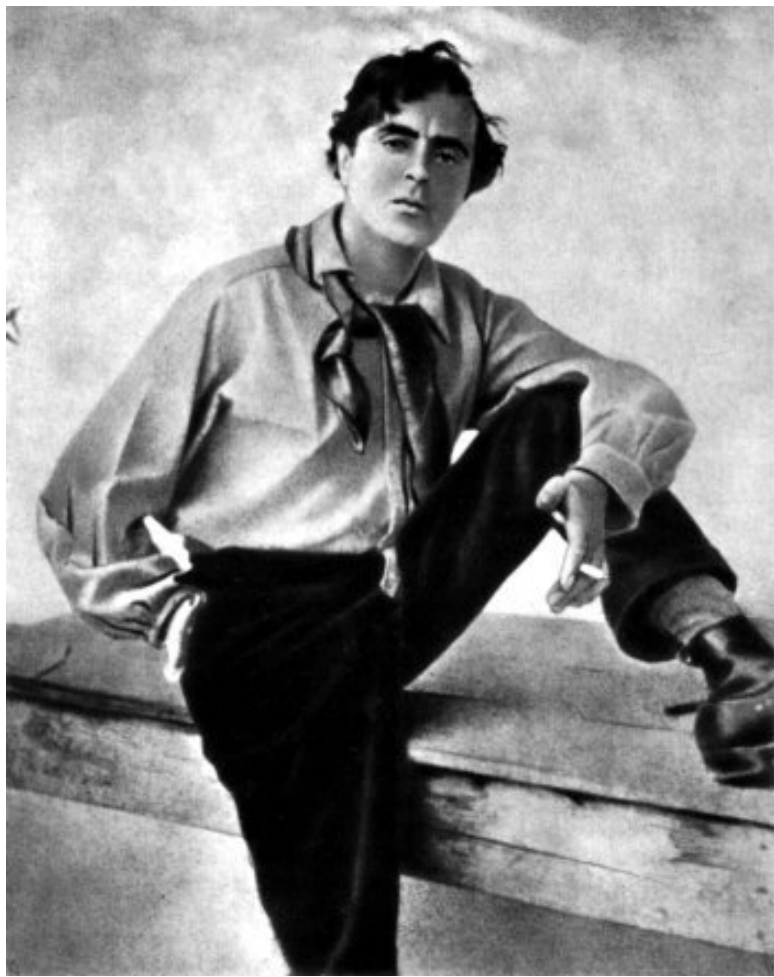

Анна Ахматова, 1910-е годы

И все божественное в Модильяни только искрилось сквозь какой-то мрак. Он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его навсегда остался в моей памяти. Я знала его нищим. И было непонятно, чем он живет. Как художник он не имел и тени признания».

Анна Андреевна вспоминает, что Модильяни был окружен плотной завесой одиночества. Он никогда и ни с кем не здоровался, жил в квартале, где обитали художники. Не упоминал имен друзей. Он был очень, очень одинок. И кроме того, невероятно беден.

Когда они сидели в Люксембургском саду, у него не было даже нескольких сантимов для того, чтобы взять стулья и сесть туда, куда им хотелось. Они садились на общественные скамейки, но все равно это было прекрасно, потому что они захлеб читали друг другу любимые строки Бодлера или Верлена. И радовались тому, что им нравятся одни и те же стихи.

Амедео Модильяни. Фото 1916—1917 гг.

Однажды, пишет Ахматова, она, видно, не точно сговорившись с Модильяни о встрече, пришла к нему в мастерскую, но мастерская была закрыта. У Анны Андреевны была с собой охапка роз, которые она купила для художника. Она заметила открытое окно – мастерская находилась в бельэтаже – и решила, что будет бросать туда по одному цветку. Модильяни на следующий день недоумевал: «Как ты смогла попасть в мастерскую, она же была закрыта?» И когда Анна Андреевна рассказала, что бросала цветы через окно, он не поверил: цветы были так красиво уложены, как будто это было сделано специально.

Ахматова, рисунок Модильяни, Париж, 1911 год

Модильяни рисовал обнаженную Ахматову у себя в мастерской. Он сделал шестнадцать рисунков. И просил, чтобы по возвращении в Россию она их окантовала и повесила у себя. Но все рисунки, кроме одного, исчезли в годы революции и долгое время считались пропавшими. Лишь несколько лет назад они нашлись.

Из уст самой Анны Андреевны неоднократно звучала версия об уничтожении рисунков в революционное время. Она рассказывала, что они погибли в ее царскосельском доме. Вспоминала, как красногвардейцы сворачивали из рисунков Модильяни козьи ножки, засыпали махорку и курили. Все верили в эту историю. И вдруг в 1993 году на выставке в Венеции появилось десять неизвестных рисунков великого художника, на которых была изображена одна и та же обнаженная модель с характерным горбоносым профилем. Славистка из Генуи Августа Докукина-Бобель опознала в модели Ахматову. Началась раскрутка: что? как? почему? Выяснилось, что некий доктор Поль Александер, сам человек небогатый, покупал иногда у Модильяни его работы, буквально за гроши. Свыше восьмидесяти лет пролежали эти рисунки в архиве доктора, в какой-то папке, прежде чем его наследники показали их на венецианской выставке. Далее существуют разные варианты. Может быть, рисунков было больше, чем указывала Анна Андреевна, и действительно часть из них

погибла, а часть была продана художником доктору. Есть и другая версия, более вероятная. Поскольку Ахматова позировала обнаженной, она, скорее всего, хотела скрыть эти эскизы. Может, на самом деле, она их оставила у Модильяни, дальше они попали к вышеупомянутому доктору. Роман Ахматовой и Модильяни начался в 1910 году, а совсем незадолго до этого (в апреле того же года) Анна Андреевна вышла замуж за Николая Гумилева¹. Вряд ли она рассказывала Модильяни о своем замужестве. Тем более, в этой ситуации показать кому-либо эти рисунки, в общем-то компрометирующие молодую жену, было невозможно.

¹ Известно, что Гумилев несколько лет добивался согласия Анны Андреевны на брак. Но Ахматова упорно отказывала Николаю Степановичу. Наконец, после многократных предложений в 1910 году она сдалась. Трудно понять душу любой женщины, а уж такой, как Ахматова, невозможно. Но из этого факта, тем не менее, можно сделать вывод, что Гумилев был влюблен очень сильно, а вот она... Иначе как объяснить, что буквально через несколько месяцев после свадьбы у новобрачной возникли такие, безусловно, нежные отношения с молодым художником. И, конечно, повесить у себя в семейном доме картины, где она позировала обнаженной, абсолютно исключалось.

В поздние годы Анна Андреевна не скрывала своих отношений с художником, наоборот, гордилась ими.

После отъезда из Парижа в 1911 году Ахматова долгое время ничего не знала и не слышала о Модильяни. Она была уверена, что он должен проблистать, просиять, должен быть всемирно известен. Но никаких сведений до нее не доходило много лет.

В 1918 году они с Николаем Гумилевым ехали в Бежецк, чтобы навестить своего сына Леву – в будущем крупного ученого, трижды посаженного в годы сталинских репрессий. По дороге в каком-то разговоре Ахматова произнесла фамилию Модильяни. Гумилев заметил, что они встречались с ним в какой-то компании в Париже, и Модильяни был вдребадан пьян. Устроил скандал, почему, мол, Гумилев при всех говорит по-русски. «Пьяное чудовище» – так его обозвал Гумилев... Что это? Он что-то знал? Или же это была интуитивная ревность?

Ахматова писала, что в годы их романа Модильяни совершенно ничего не пил и от него никогда не пахло вином. Хотя какие-то фразы о наркотиках иногда в разговоре проскальзывали.

Когда начался НЭП, в начале 20-х, Ахматова была членом какой-то комиссии в издательстве «Всемирная литература». Ей в руки попал французский иллюстрированный журнал о художниках. В нем она прочитала некролог, где сообщалось, что Модильяни умер...

Амедео Модильяни

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Как печально! По сути дела, эта романтическая история не кончилась ничем. История взаимоотношений между двумя гениями – Франции и России. Между великим художником и великим поэтом. Однако эта любовная страница была...

Очарованная душа – Мария Кудашева

Четвертый том «Очарованной души» Ромена Роллана предваряет такое посвящение: «Марии! Тебе, жена и друг, в дар приношу свои раны. Они лучшее, что дала мне жизнь, ими, как вехами, был отмечен каждый мой шаг вперед. Ромен Роллан, сентябрь, 1933 года».

Пришла пора поговорить о спутнице Ромена Роллана, о его жене, его музе, верной подруге, которая прожила с ним его последние годы.

Вот что писал он сам в письме своему другу, известному искусствоведу Луи Желе: «Мы с женой будем очень рады Вам. У меня теперь есть славная спутница в жизни, она разделяет мою участь, защищает меня от всех напастей».

Маша, будущая жена великого французского романиста, автора «Кола Брюньона», «Жана Кристофа», «Очарованной души», родилась в 1895 году. Ее мать была француженка, гувернантка, фамилия ее была Кувилье. Она служила в семье русского полковника, и так случилось, что отцом Марии Павловны стал этот самый полковник. Семья полковника – жена и дети – почему-то (я даже не могу понять, почему!) не обрадовались новоявленной родственнице. И как-то стали быстренько выживать из своей семьи как гувернантку, так и ребеночка. Полковнику пришлось отправить неза-

коннорожденную девочку во Францию к тетушке. Поэтому Мария с самого раннего детства прекрасно знала два языка – французский и русский. Но ее тянуло домой, на родину. Юной девушкой Маша вернулась в Россию. Она росла очень образованной, много читала. Дружила с сестрами Цветаевыми, Мариной и Анастасией, вошла в поэтический круг. Стала сама писать стихи. Переводила французские книги на русский язык, русские на французский, словом, была чрезвычайно одаренным человеком.

Маша (впрочем, родные и друзья чаще называли ее Майей) вышла замуж за офицера, потомка князя Кудашева, и в 1917 году у них родился сын Сергей. Однако гражданская война была безжалостной, и сыпной тиф унес белого офицера Кудашева. Мария Павловна осталась молодой вдовой с маленьким сыном на руках. Ей помогла семья Максимилиана Волошина. Около двух лет Мария Павловна прожила в Крыму в доме Волошиных. Потом она вернулась в Петербург и стала работать секретарем в Академии наук.

Знакомство Марии Павловны с Роменом Ролланом произошло таким образом. Она прочитала «Жана Кристофа» и послала автору восторженное письмо на французском языке. Тот был польщен трогательным откликом из России и ответил. Через некоторое время она написала снова. Возникла регулярная переписка между читательницей и сочинителем.

Молоденькие барышни – Марина Цветаева и Мария Кудашева

И мало-помалу ее влюбленность в героя книги, восхищение произведениями писателя перенеслись на самого автора. Мария Павловна писала ему откровенные письма, рассказывала обо всем, в том числе и о своих романах... Очевидно, ее письма содержали в себе большой страстный любовный заряд. Писатель постепенно поддавался очарованию эпистолярного дара своей корреспондентки. В конце концов, Ромен Роллан пригласил ее познакомиться. Были проблемы с семьей, поэтому они встретились в Швейцарии. Сестра писателя в штывы встречала любую его влюбленность. Через некоторое время Кудашева вернулась в Россию. Потом они еще раз недолго пожили вместе и снова расстались. И только в конце 20-х годов писатель решился. Мария Павловна приехала во Францию насовсем. Конечно, она завоевала его. Но не сомневаюсь, что с ее стороны была подлинная любовь. Уверен, что Роллан почувствовал бы фальшь, неискренность. Да и всей своей последующей жизнью Мария Павловна доказала, что классик сделал правильный выбор.

Но еще несколько лет Ромен Роллан не мог жениться на Маше. Его сестра была категорически против этого брака; только в 34-м году Мария Кудашева стала Марией Ромен

Роллан². По этому поводу было много пересудов и сплетен. Как же так! 70-летний великий французский писатель женился на 40-летней русской авантюристке, разница в возрасте в тридцать лет! И т. д. и т. п. Но Роллан решительно давал отпор всем нападкам на его личную жизнь.

Он искренне полюбил и своего пасынка Сережу Кудашева. Когда же началась война, связь с Россией оборвалась. Мария Павловна и Ромен Роллан ничего не знали о том, что произошло с сыном. А младший лейтенант артиллерии Сергей Кудашев пал под Москвой смертью храбрых в 41-м...

² В 1934 году Ромен Роллан по приглашению М. Горького приехал в СССР. Многие издания тогда обошел снимок Р. Роллана и М. Горького. Но в центре этой фотографии была изображена женщина, которую ни на одной подписи не называли. Все подписи гласили: Ромен Роллан и Максим Горький. А в центре была жена французского писателя – Мария Кудашева. Хамство со стороны всех наших газет и журналов было неслыханное.

Ромен Роллан и Мария Кудашева

Маша и Ромен Роллан жили в маленьком городке недалеко от Парижа. Когда в 40-м году немцы вошли во Францию, они оказались в оккупированной зоне. Было тревожно: ведь Мария Павловна русская, а Ромен Роллан известен своими прогрессивными левыми взглядами. Однако немцы отнеслись к писателю довольно нейтрально. Во-первых, они знали, что в «Жане Кристофе» и в «Бетховене» он с большой симпатией описывал немцев. И кроме того, было известно, что выступал против Версальского мира, считая его позорным. Конечно, в период оккупации Ромен Роллан был угнетен. И было тяжело, унизительно, что родина находится под немецким сапогом. Вот что он писал в Москву Жану Ришару Блоку незадолго до своей кончины. Это было одно из последних писем великого писателя:

«Мы тревожимся о судьбе нашего сына Сергея Кудашева, о котором мы ничего не знаем с 40-го года. В настоящее время мы предпринимаем некоторые шаги... Я по-братски вас обнимаю, вас и вашу дорогую жену. Моя жена тоже вас обнимает. Если вы меня любите, любите и ее. Лишь благодаря ей я живу. Без ее неустанной помощи, без ее нежности я не смог бы перенести эти тяготы, нескончаемые долгие мрачные годы духовной угнетенности и болезни». В 1944 году Романа Роллана не стало. А Мария Павловна прожила

еще сорок один год. Она умерла в 1985-м. Она издавала его собрания сочинений, открыла два музея, сохранила творческое наследие, собрала все письма Ромена Роллана и опубликовала его переписку. Мария Павловна оказалась верной и преданной спутницей великого французского писателя-гуманиста. Кто-то сказал: «Нужно жениться не на хорошей жене, а на хорошей вдове». Ромену Роллану удалось и первое, и второе...

Лидия, добрый ангел Матисса

Муза Анри Матисса, Лидия Николаевна Делекторская, вела затворнический образ жизни. Я надеялся, что мне удастся повидаться с ней, но она решительно отказывалась от каких бы то ни было интервью. Единственное, что мне удалось, это поговорить с ней по телефону.

Я просил ее о встрече, однако получил очень вежливый, очень доброжелательный, но бесповоротный отказ. И тем не менее, мне бы хотелось, чтобы вы узнали об этой женщине, она того заслуживает. И еще как заслуживает!

Судьба Лидии Делекторской в общих чертах похожа на судьбы других русских женщин, волею обстоятельств выброшенных за пределы отчизны.

В Сибири в конце Гражданской войны погибает ее отец, а вскоре умирает мать. Девочку подбирает тетка, и она оказывается в Харбине. Харбин был спасительным островком русской эмиграции в Китае.

Здесь Лида училась в русском лицее, окончила его. Затем судьба забрасывает ее в Париж, и там в девятнадцать лет она выходит замуж за русского эмигранта. Однако брак, очевидно, оказался неудачным, ибо когда ей исполнилось двадцать, Лидия Делекторская одна уезжает в Ниццу. Там совершенно случайно ее нанимают в ателье Матисса. Он в это время работал над большим полотном «Танец» для американско-

го музея. Для многофигурной композиции ему нужны были натурщицы.

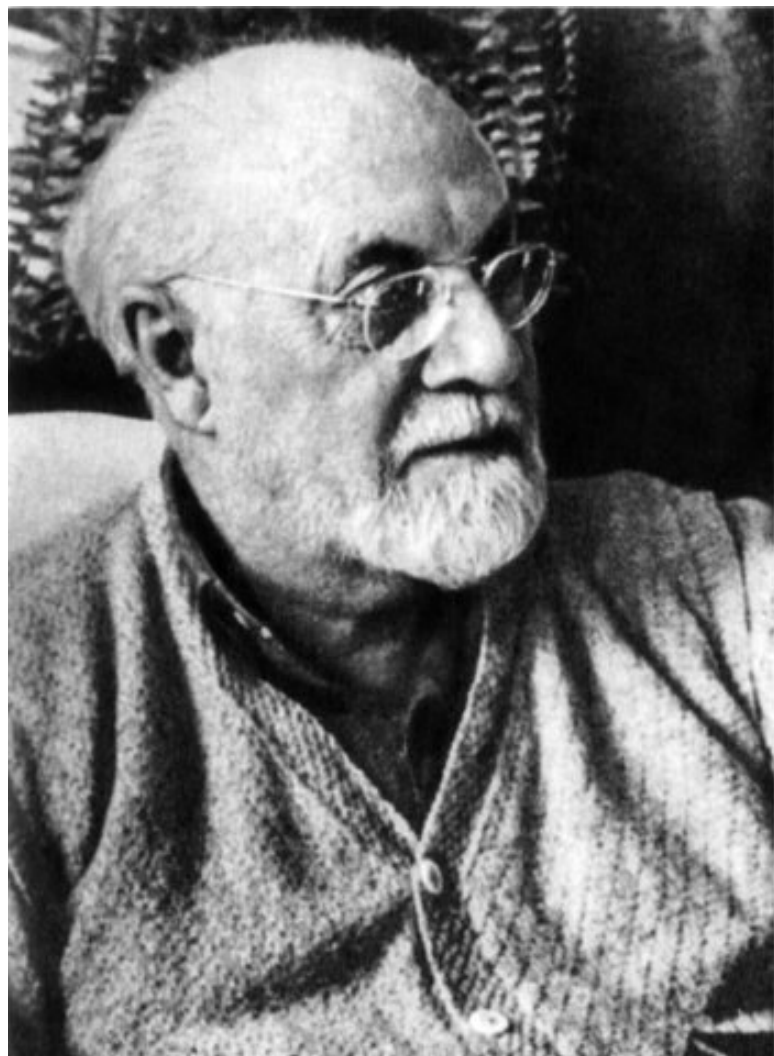

Лидия Делекторская

Полгода Лидия Николаевна проработала в мастерской, познакомилась с великим художником. Но после того как картина «Танец» была закончена, в ее услугах больше не нуждались. И Делекторская оказалась без работы.

Мадам Матисс в это время болела, и старая сиделка, которая ухаживала за ней, стала раздражать супругов. Тут они вспомнили о молчаливой русской, милой спокойной блондинке, которая плохо знала французский язык. Чета Матиссов пригласила ее. Так Лидия Делекторская поселилась в этой семье.

Это было в 1932 году. Ей было 22 года. И вся ее судьба, до ухода Матисса в 1954 году из жизни и после, оказалась связанной с великим художником. Она прилежно ухаживала за мадам Матисс, и та поначалу благоволила к ней. Что же касается Матисса, то сперва он Лидию почти не замечал. Она была для художника, ну как вещь в доме, которая делает свое дело. Со временем художник все больше и больше присматривался к ней. Матисс стал приглашать ее позировать в качестве модели. Рисовать ее портрет за портретом. У нее *были* красивые волосы, и Матисс попросил Лидию каждое утро мыть голову, чтобы волосы были пышными и рассыпались по плечам. Его восхищали линии ее тела, изящество. Лидия была скромна, трудолюбива, очень деликатна. И она была молода: разница в возрасте между ней и Матиссом была огромна – 40 лет.

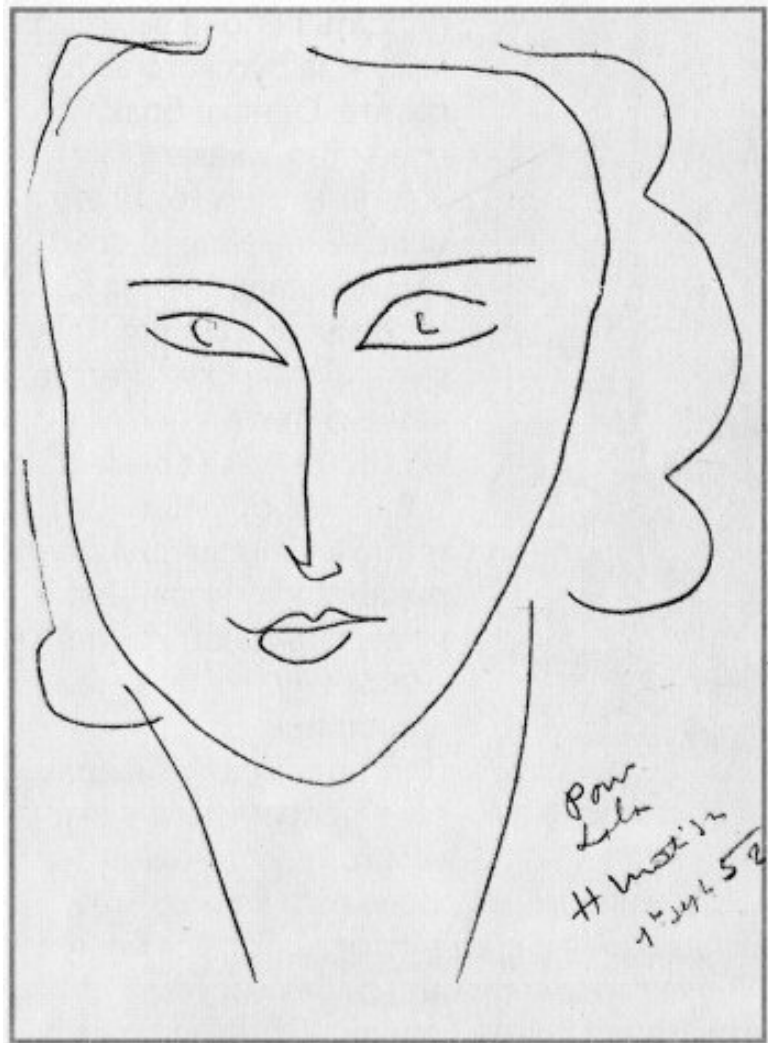

Анри Матисс

Постепенно Лидия Делекторская стала незаменимым человеком в этой семье. Была и сиделкой, и помощницей, и служанкой, и моделью. Вскоре стала вести все дела. Это стало раздражать мадам Матисс. Отношения в семье разладились, и супруги разъехались. Мадам Матисс осталась в Париже, а Матисс уехал жить на юг Франции. Лидию он забрал с собой. Она была необходима художнику. Без нее он не мог работать. Она была с ним рядом, когда ему в начале войны делали сложную операцию; она была ему верным помощником, когда он строил и оформлял свой последний шедевр – изумительную часовню в Вансе. Эта капелла поражает безупречными пропорциями, гениальными витражами, атмосферой, которая уносит тебя ввысь, ощущением того, что все, что тебя окружает в церковке, – прекрасно. Это удивительное творение великого художника. И Лидия должна была вникать в архитектурные и строительные тонкости, быть посредником с рабочими, следить, чтобы все задуманное создателем, было воплощено в жизнь. Конечно, между ней и художником сложились доверительные дружеские отношения, душевная связь стала нерасторжимой. Но Лидия по-прежнему оставалась скромной и щепетильной.

В частности, она иногда покупала у Матисса его рисунки, эскизы, картины небольшого размера. Причем, у нее не бы-

ло никаких доходов, кроме той заработной платы, которую выплачивал ей Матисс. И если порой художник хотел сделать ей скидку, продать дешевле, Делекторская категорически отказывалась. Она покупала именно за ту цену, которую, по ее мнению, Матисс мог бы получить от картинной галереи. В этом не было ни игры, ни жеманства. Она жила по своим правилам и никогда их не нарушала. И она никогда не забывала о существовании семьи Матисса.

Лидия Делекторская. Рисунки Анри Матисса

Два раза в год он дарил ей свои рисунки. Один ко дню ее рождения, другой – на Рождество. Это были подарки, сделанные от всего сердца, и она их, естественно, принимала. Она знала – художник сам говорил ей – по завещанию все оставалось семье – законной супруге и детям. Строгость, честность, справедливость были сущностью Лидии Николаевны. Больше всего она боялась доставить кому-либо какие-нибудь, даже минимальные, неудобства.

Хотя Лидия Делекторская покинула Россию совсем в раннем возрасте, она очень тосковала по Родине. В особенности она переживала в военные годы, когда страна изнемогала в суровой, кровавой войне против фашизма. В 1945 году, когда кончилась война, она попросила продать ей шесть картин, она хотела подарить их России. Матисс за эти же деньги, как у нас бы сказали, «дал с походом», то есть добавил еще одну, седьмую, картину. Все семь картин Лидия Николаевна отправила в Советский Союз – в «Эрмитаж» и в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. Причем это было передано без всяких условий, напротив – с просьбой не упоминать ее имя.

Лидия Николаевна – абсолютная бесребреница, бескорыстная душа. Многие ей говорили: «Ты сошла с ума! Если бы ты продавала эти картины, жила бы безбедно!» А она вела и ведет очень скромный образ жизни: ездит на автобусах, электричке, у нее нет машины, маленькая квартирка.

От самых разных людей мы слышали о Лидии Делекторской только одно: это редкой души человек, благородный, деликатный, застенчивый. Мне очень жаль, что нам не удалось встретиться с ней лично, познакомиться. Это позволило бы мне более полно представить вам еще одну прекрасную русскую женщину – верную спутницу великого Анри Матисса.

Она пережила человека, которому посвятила свою жизнь, на 44 года. Она была крупнейшим специалистом по творчеству французского гения. К ней всегда обращались музеи и галереи, когда надо было установить подлинность произведения. И ее суждение всегда было абсолютно верным. Никто не знал творчества Матисса лучше, чем она. Не могу не сказать еще об одном качестве Лидии Николаевны. Она стала литературным переводчиком с русского на французский. Она подружилась с лучшим писателем-стилистом нашей страны Константином Георгиевичем Паустовским. Она гостила у него в его доме в Тарусе на Оке и глубоко прониклась красотой прозы Паустовского. В результате Лидия Николаевна проделала исполинский труд – перевела на французский все творения писателя – 12 томов.

Уже в Москве я узнал, что директор Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина Ирина Александровна Антонова – старинный друг Делекторской. По возвращении сразу же устремился в музей, чтобы разузнать об этой странной и удивительной женщине.

Эльдар Рязанов. Ирина Александровна, скажите, пожа-

луйста... Матисс был уже стар, а Лидия Николаевна была молодой женщиной. Были ли там какие-то личные, любовные отношения? Я не имею в виду постель, но все-таки испытывал ли Матисс к этой женщине какие-то чувства? Короче, как вам кажется, любил ли он ее?

Ирина Александровна. Думаю, что любил. Но я не берусь объяснить чувства Матисса. Понимаете, ведь в начале своей жизни она была простой женщиной. По своему положению, по образованию, по своим знаниям, конечно, не соответствовала великому живописцу. Но она росла рядом с Матиссом – и человечески, и житейски, и в понимании искусства тоже. Лидия Николаевна обладала и обладает удивительными человеческими ценностями. Помимо ее души и духа, ее разумной головы, работоспособность у нее всегда была невероятной. Кроме того, ей были свойственны удивительное изящество, особая красота, пластичность, которые понятны художнику. Он сначала, может быть, не заметил этого, потом прозрел. Он вдруг увидел линию ее плеч, красоту ног, овал лица, ее профиль, ее фас, ее волосы, дивные белокурые волосы.

Эльдар Рязанов. Вот все это он увидел внезапно и осознал, что это то, в чем он нуждался, что это его тип. Скажите, а была ли она влюблена в Матисса?

Ирина Александровна. Трудный вопрос, Эльдар Александрович. Я с ней как-то провела отпуск в Крыму, в Доме творчества художников. Просто пригласила ее. И у нас бы-

ло много свободного времени, когда мы гуляли по берегу и в окрестностях. Она никогда об этом не говорит. При этом она так не говорит, что даже не дает повода ее спросить. Понимаете, это такой человек, с которым я точно знаю, о чем нельзя разговаривать.

Эльдар Рязанов. Но не из-за жалованья же она прожила с ним двадцать два года?

Ирина Александровна. Нет, конечно, нет. И знаете, так же уверенно, как говорю о чувствах Матисса по отношению к ней, могу вам сказать: убеждена – она его любила.

Эльдар Рязанов. А в завещании он что-нибудь ей оставил?

Ирина Александровна. Ей ничего не было оставлено в завещании.

Эльдар Рязанов. Только родным?

Ирина Александровна. Только родным. Мы ведь знаем, что когда Матисс умер в Ницце, Лидия Николаевна в тот же день покинула дом. Ее долго никто не мог найти.

Дети и внуки Матисса относятся к ней с уважением. Она мудрая женщина, всё понимала. И с самого начала заняла именно такую жизненную позицию. Это и спасло ее отношения с потомками Матисса на все последующие годы.

Post Scriptum

Прошло около пятнадцати лет. В июне 2010 года в Музее изобразительных искусств им. Пушкина состоялся вечер, посвященный столетию со дня рождения Лидии Николаевны Делекторской. Выступали директор музея И.А. Антонова, научные сотрудники музея, друзья, племянница Лидии Николаевны. Потом был показан большой документальный фильм о Делекторской. На этом вечере я задал Ирине Александровне два вопроса.

Эльдар Рязанов. Когда умерла Лидия Николаевна?

Ирина Александровна. Это случилось 16 марта 1998 года. Лидии Николаевне было 88 лет, она покончила с собой. До этого у нее было несколько попыток уйти из жизни.

Расскажу такую историю. Это было года за два – за три до ее ухода. Однажды я оказалась в Париже на кладбище Сен-Женевьев де Буа. Вы знаете, это русское кладбище. И вдруг я увидела свежую могильную плиту с выбитой надписью: «Лидия Делекторская. Дата рождения – 1910 год». Даты смерти не было. Я немедленно позвонила ей и спросила, что это значит? Она сказала, что, мол, готовится... что не хочет доставить каких-то неудобств с организацией ее похорон. Вот такой она человек... Я ее люблю. Просто счастье, что я встретила такого человека, таких людей очень мало...

Эльдар Рязанов. Но из фильма я узнал, что она похороне-

на в России, в городе Павловске под Петербургом. Как это случилось?

Ирина Александровна. Честно говоря, я не знаю...

Это было единственное, на что мудрая, замечательная, уникальная, потрясающая женщина Ирина Александровна Антонова не смогла мне ответить. Но, слава Богу, что другая потрясающая, уникальная женщина Лидия Делекторская нашла свой последний приют на Родине, в России, откуда ее вывезли маленькой девочкой...

Надя Леже, одержимая живописью

У Нади Ходасевич, девочки из белорусского местечка, была неудержимая страсть к живописи. Она любила рисовать. Шла Первая мировая война, и семью Ходасевичей бросало из Белоруссии в Россию и снова в Белоруссию. Вскоре после революции 17-го года Надя прослышала, что в Смоленске открылись государственные мастерские живописи. Она самовольно, бросив семью, уезжает в Смоленск и начинает учиться в этих художественных мастерских. Преподавали тогда яркие самобытные художники. В том числе, супрематист Казимир Малевич, который в 1915 году прославился своим «Черным квадратом». Супрематизм в переводе с французского – «наивысшее, наилучшее».

Случайно в одной из библиотек города Смоленска Надя наткнулась на журнал, где было интервью с Фернаном Леже. Он утверждал, что живопись – искусство будущего. Для Нади высказывания художника, живущего в Париже, стали откровением.

Девушка запомнила имя: Фернан Леже. И решила: в Париж, в Париж! Она несколько раз пыталась самовольно поехать в Париж, но ее снимали с поезда, возвращали домой. И тут выяснилось, что одна польская семья, соседи, едет в Варшаву. Посмотрев на географическую карту, Надя поняла: Варшава это город на полпути к Парижу. Она, воспользо-

вавшись этой оказией, приезжает в Варшаву и устраивается служанкой. Так случилось, что в нее влюбился сын ее богатых хозяев, Станислав, и они поженились. К сожалению, молодые скоро начали ссориться, и потянулись однообразные и печальные будни.

Но одержимая Надя тем не менее сумела подбить Станислава на переезд в Париж, она и его сумела заразить любовью к живописи и идеями Леже. Короче, Надя и Станислав приезжают в Париж, поселяются в семейном пансионе и направляются на улицу Нотр-Дам де Шан, 86, где помещалась Академия Фернана Леже.

Это, конечно, невероятно, но это случилось. Они оба были приняты в Академию. В то время у Фернана Леже было много учеников из разных стран и первое время он не обращал на Надю никакого внимания. Но однажды остановился около ее рисунков. Леже изумился дарованию ученицы и пригласил Надю к себе. Он показал ей свои работы. Она была ошеломлена: это было буйство красок и буйство геометрии. Новаторство Леже поражало и ослепляло.

Прошло несколько лет. Жизнь Нади со Станиславом была сложной. Родилась дочь Ванда, а скандалы с мужем продолжались. Ситуация разрешилась тем, что Станислав должен был вернуться в Польшу, чтобы служить в армии.

Надя осталась одна с дочкой, без каких бы то ни было средств к существованию. И тогда она пришла к госпоже Вальморан, хозяйке семейного пансиона, и спросила: «Гос-

пожа Вальморан, вам не нужна служанка?» Хозяйка долго не могла понять, зачем это замужней богатой даме, ведь она занимала одну из лучших комнат в этом пансионе. Надя объяснила, что мужа у нее больше нет, они расстались, он уехал в Польшу, где служит в армии. А ей надо воспитывать дочь и учиться живописи. Поэтому она и просит взять в служанки.

Надя с дочкой перебралась в каморку на верхнем этаже пансиона. Началась трудная жизнь. Надо было вставать в пять утра, бежать за продуктами, готовить, мыть посуду, нянчить дочь, потом мчаться на занятия в Академию Леже. Так продолжалось несколько лет. Польский свекор волновался за внучку. Он знал, что у Нади плохое здоровье – предрасположенность к туберкулезу. Свекор посылал ей деньги, но она их отсылала обратно. Однажды он все-таки настоял на своем: «Я хочу, чтобы ты взяла деньги. Ванда – моя внучка, а единственный ее кормилец – это ты. Чтобы ты не заболела, тебе нужно купить шубу». Тогда Надежда Петровна поступила так: купила самую дешевую шубейку, а на оставшиеся деньги, будучи служанкой в семейном пансионе и студенткой, – надумала самостоятельно издавать журнал современного искусства. Издавала она его на двух языках, французском и польском, наняла редактора. Даже вышло два номера этого журнала. Все это говорит о ее совершенно неудержимой страсти к живописи, доходящей до сумасшествия. Во всяком случае, вряд ли история искусства знает еще подобные примеры, чтобы служанка издавала журнал о живописи.

ном авангарде...

Однажды Надя ехала в электричке из деревни и везла очень много корзин с продуктами для семейного пансиона мадам Вальморан. Какой-то элегантный высокий и красивый француз вызвался помочь ей. Так они познакомились, и так возникла взаимная симпатия.

Надя Ходасевич (Леже)

Элегантного француза звали Жорж Бокье. Он служил в

Министерстве почты и телеграфа. Жорж увлекался рисованием, и Надя предложила: «Хотите учиться живописи?» Так Жорж Бокье попал в Академию Фернана Леже. Вскоре он стал одним из самых первых учеников, его очень полюбил мэтр и впоследствии сделал старостой Академии.

Надя втащила красавца Жоржа Бокье не только в свою постель и в живопись, но еще и в Коммунистическую партию. Они записались в коммунистическую ячейку, ходили вместе на собрания. Казалось бы, всё хорошо. Но... в 1939 году, когда началась Вторая мировая война, Жорж Бокье в первый же день ушел на фронт. Надя активно участвовала в движении Сопротивления. Она удочерила беженку, английскую девочку, и вместе с Вандой и английской дочкой они ходили по ночному Парижу. Девочки расклеивали листовки, так чтобы не заметила полиция, а Надя стояла «на шухере».

Жизнь ее все время подвергалась опасности, за ней следили. Спасаясь от шпиков, приходилось скрываться.

Однажды Надя спряталась в парикмахерской. Но шпик продолжал дежурить у дверей. И тогда она ушла оттуда... с обрезанной косой и вдобавок блондинкой. Приходилось и приобретать документы на другое имя и фамилию. Когда кончилась война, Надя хотела помочь советским военнопленным. Она решила организовать аукцион. Упросила Леже, и он дал свою картину. Обратилась к Пикассо. Тот для этой цели дал три полотна. Следующим был Жорж Брак, и от него Надя не ушла с пустыми руками. Она обошла мно-

гих художников, собрала целую коллекцию. Аукцион прошел успешно, деньги были собраны. И сумма оказалась весьма внушительной...

С войны вернулся Бокье, роман возобновился. Надя продолжала работать в Академии с Фернаном Леже, стала его правой рукой. Она помогала ему, разрабатывала его эскизы. И сама занималась живописью – портретами, пейзажами. В 1951 году в семью Леже пришла беда, умерла его жена. 70-летнему старику было одиноко, он стал часто приходить к Наде по вечерам.

Жалость к учителю, многолетнее сотрудничество и дружба – всё это привело к тому, что Надя стала женой Фернана Леже.

Надо же было случиться тому, что интервью с Леже, прочитанное в юности в Смоленске, оказалось – придется высказаться высокопарно – путеводной звездой ее жизни... Надя старалась облегчить жизнь старому художнику, купила дом за городом, чтобы Леже мог выезжать туда для отдыха после тяжелого трудового дня. Она стремилась создать дома как можно больше уюта и тепла.

Надя и Фернан Леже

Три с половиной года она была женой и другом великого мастера. В 1955 году Фернан Леже умер, оставив все наследство жене. Надя вернулась к Жоржу Бокье, и они вдвоем, два ученика и одновременно муж и жена, стали думать о том, как увековечить память своего учителя. За месяц до смерти Леже купил в Бьоте – маленьком городишке на юге Франции в нескольких километрах от берега Средиземного моря – небольшой дом. Надя решила, что именно здесь будет воздвигнут музей Фернана Леже. Художник оставил после себя огромное количество бесценных работ: картин, скульп-

тур, барельефов, эскизов. Кое-что продали за немалые деньги и принялись за строительство здания.

В мастерской

В мае 1960-го состоялось торжественное открытие музея Фернана Леже под почетным председательством Жоржа Брака, Пабло Пикассо и Марка Шагала.

В этом светлом огромном здании монументальные работы Леже выглядят нарядно и празднично. Они могут кому-то нравиться, кому-то не нравиться, но то, что они оптимистичны, излучают радость, – несомненно. Музей стал пользоваться популярностью. В 1967 году Надя Леже и Жорж Бокье передали музей со всеми работами и землю, на которой находится здание, в дар французскому народу...

Ольга Хохлова и Пикассо

Начало следующей нашей истории относится к 1917 году, когда в Париже гастролировал с огромным триумфом Дягилевский балет, «Русские сезоны в Париже». Молодой художник Пабло Пикассо, будучи человеком невероятно одаренным, быстро и легко сходилась с талантливыми людьми любых профессий, любых национальностей. Так он подружился, в частности, с Дягилевым и со Стравинским. Но надо сказать, что помимо чисто творческого, здесь у Пабло Пикассо был еще и личный интерес. Ему очень нравилась молоденькая красивая танцовщица Ольга Хохлова. Она была, пожалуй, самая юная солистка, и ее очарование сразило художника наповал. Балет отправился на гастроли в Италию. И Пабло отправился вместе с балетом. Предлогом послужило то, что ему надо было писать декорации для следующей постановки Дягилева под названием «Парад».

Пикассо следовал за труппой в Неаполь, во Флоренцию. Кстати, в письмах из Италии он ни разу себя не выдал, ни разу не проговорился, что у него еще есть и любовная тайна. Он писал о том, как идет работа над балетом, о том, что здесь 60 русских балерин, и все они очаровательные.

Потом балет вернулся в Париж, состоялась премьера «Парада». Дягилевская труппа вместе с Пикассо отправилась в Испанию. Там «Парад» провалился, но для Пабло это уже не

имело значения — он добился взаимности. Ольга тоже любила Пикассо, и было решено, что они пожениются. Русская православная церковь в Париже на улице Дарю за 134 года своего существования повидала многое. Кого здесь только не крестили, кого не венчали, кого не отпевали! В этой церкви 12 июля 1918 года состоялся обряд бракосочетания Ольги Хохловой и Пабло Пикассо. Служба была православная, хотя Пабло Пикассо — испанец и, следовательно, католик. Известно, что король Наварры Генрих IV был протестантом. Но в свое время, ради короны короля Франции, поменял религию, сказав свое знаменитое: «Париж стоит мессы». Очевидно, и Пикассо для себя решил, что Ольга стоит того, чтобы венчаться с ней не по католическому, а по православному обряду. Свидетелями со стороны жениха были Жан Кокто, Марк Жакоб и Вильгельм Аполлинарий Костровицкий, известный более как Гийом Аполлинер, великий поэт Франции и Польши.

Свадьба была пышная, роскошная, и после нее молодые уехали в свадебное путешествие.

Потом супруги Пикассо возвращаются в Париж и снимают двухэтажную квартиру на шестом и седьмом этажах шикарного дома. На одном этаже располагается мастерская художника, а другой этаж отдается молодой русской жене Ольге. Но сразу же в двух квартирах намечаются два разных стиля жизни, «две разные планеты», как сказал об этом Марк Шагал.

Ольга – дочь царского полковника. Она хочет жить красиво, для нее это естественно. Ее квартира заполнена изящной мебелью, безделушками, к ней приходят элегантные гости. Ольга хотела создать своего рода «башню из слоновой кости». В России, на родине, в это время начался красный террор. Расстреляли царскую семью, разгорелась гражданская война. Белые и красные уничтожают друг друга. Возврат на родину исключен. Желание Ольги окружить себя мещанско-буржуазным красивым бытом вполне понятно.

А у Пикассо идет совсем другая жизнь, он работает, старается упрочить свое положение. При этом художник гордится красотой жены, любит появляться с ней на приемах. Ему нравится, что после годов бедности он обрел наконец материальное благополучие. Его творчество постепенно тоже меняется, он начинает работать в более классической манере, о чем говорят сделанные им портреты Ольги. В 1921 году рождается сын Поль. Пикассо обожал сына. Родители ревновали друг друга к ребенку и ссорились из-за этого.

Любимой темой художника в тот период стало материнство. Моделями служат Ольга и Поль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.